

Добросовестность в частноправовых и публичных отраслях российского права

Федин И.Г.,
магистр юриспруденции,
соискатель кафедры теории и истории государства и права
Алтайского государственного университета
E-mail: fedinig@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным со способами и степенью внедрения категории «добросовестность» во все отрасли российской системы права. Актуальность исследования состоит в том, что в широком спектре современных научных работ отсутствуют исследования, комплексно рассматривающие категорию «добросовестность» в частных и публичных отраслях российского права. Кроме того, потребность в разработке данной категории в публичных отраслях практически полностью игнорируется, что автор находит необоснованным и приводит доводы в пользу необходимости развития принципа добросовестности в публичной сфере российского законодательства.

Целью статьи является комплексный анализ категории «добросовестность» для выявления общих признаков ее проявления в различных сегментах системы российского права. Задачами исследования, исходя из действующего законодательства, являются: раскрыть общие признаки категории «добросовестность», применимые как для отраслей частного, так и для отраслей публичного права; определить какая природа в контексте разделения системы права на частное и публичное является наиболее присущей категории «добросовестность».

При разрешении поставленных в работе задач были использованы общенаучные методы, такие как анализ, синтез, сравнение, в том числе сопоставление и частнонаучные методы, среди которых необходимо выделить системный подход.

Результатом проведенного исследования стали следующие выводы: как и в частноправовой сфере категория «добросовестность» широко представлена в различных институтах и конструкциях публично-правовых отраслей права, в том числе отраслях налогового, административного, уголовного права, процессуальных отраслях; законодатель, независимо от характера регулируемых им отношений, использует единую модель квалификации добросовестного поведения; категория «добросовестность» является общеправовой и имеет более существенную ориентацию на публичное регулирование, вытекающая из которого и получая логическое развитие, принцип добросовестности распространяется на частное право.

Ключевые слова: добросовестность, проявление правовых категорий в законодательстве, межотраслевые и общеправовые категории, частное право, публичное право.

Известно, что события 90-х годов XX в., связанные с имплантацией в российское законодательство западных правовых конструкций, малоотражающих особенности национального менталитета, привели к упадку в моральной сфере общества, что в юридической области выразилось в участившемся и повсеместном злоупотреблении участниками правоотношений своими правами. Стабилизация сложившейся обстановки потребовала от законодателя принятия адекватных мер реагирования, в том числе распространения в законодательстве морально-правовых категорий для укрепления нравственных начал в праве.

Перечисленные аспекты получили наглядное отражение в таком программном документе, как «Основы государственной политики в сфере правовой грамотности и правосознания граждан», в котором говорится: «Настоящие Основы направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного

государства»¹. Степень развития определенных в этом правовом акте тенденций отражает частота употребления отечественным законодателем при формулировании текстов нормативных актов, среди иных оценочных понятий, категории «добросовестность».

Общепризнанное отнесение правовой системы Российской Федерации к романо-германской правовой семье предопределяет необходимость оценивать элементы системы национального права в контексте ее разделения на частное и публичное право. Рассмотрение предмета исследования сквозь призму такого разделения приобретает дополнительную актуальность, поскольку подавляющее число юридических исследований посвящено анализу категории «добросовестность» в рамках цивилистических работ, в ущерб ее рассмотрению в публичных отраслях российского права, в том числе в административном, уголовном и процессуальном, что и обуславливает полное отсутствие научных работ на эту тему, а количество исследований, фрагментарно затрагивающих соответствующие вопросы можно пересчитать по пальцам. Таким образом, отсутствие комплексного и об-

¹ Утверждена Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // РГ. 2011. 14 июля.

щетеоретического анализа рассматриваемой категории в рамках целостной системы российского права определяет необходимость рассмотрения вопросов, вынесенных в название статьи.

Переходя к рассмотрению исследуемой категории в системе российского права, проанализируем сначала степень разработки данной категории в рамках частного права. Комплексный анализ данной части системы отечественного права позволяет констатировать, что категория «добросовестность» нашла самое широкое применение в рамках большинства институтов гражданского права, как базовой частноправовой отрасли российского законодательства.

Данная категория при разговоре об относительных правовых формах активно используется в обязательственном и договорном праве. Так, например, в силу ст. 434.1 ГК РФ, при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно. Представленная норма служит яркой иллюстрацией того, как в предельно широких диспозитивных рамках установления договорных отношений на стадии переговоров, нравственные ограничения прав участников правоотношений достигаются путем лимитирования их прав с помощью рассматриваемого оценочного понятия.

Помимо этого в ГК РФ применение категории «добросовестность» встречается при определении правового статуса участников гражданских правоотношений (ст. 29, 36, 37, 51, 53, 53.1, 60.2, 62 ГК РФ), регулировании отношений, связанных с установлением права собственности, в том числе касающихся института переработки (ст. 220 ГК РФ), отношений, связанных с владением имуществом и его защитой (ст. 145, 147.1, 149.3, 223, 234, 302, 303 ГК РФ), в залоговом праве (ст. 335 ГК РФ), в регламентации интеллектуальных прав (ст. 1361, 1466 ГК РФ), а также в иных правовых конструкциях. Частота употребления законодателем категории «добросовестность», исходя из представленного анализа, показывает широкомасштабный охват этой категорией частноправового сектора системы российского права.

Наиболее разработано понятие «добросовестность» в отношениях, связанных с защитой владения и вещных прав. Так, общие критерии добросовестности как понятия выделяет относящаяся к одному из институтов, связанных с защитой владения, ст. 302 ГК РФ, которая устанавливает, что если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение,

либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли. С нашей точки зрения, формулировка данной статьи «не знал и не мог знать» указывает, с одной стороны, на добросовестное заблуждение относительно действительных обстоятельств сложившейся ситуации, с другой — обязывает субъекта-правоприменителя сделать все необходимое, исходя из объективных обстоятельств, для устранения возможных негативных последствий, совершаемых действий. Такой подход, в сущности, содержит юридическую формулировку, интерпретирующую понятие добросовестности в своем обыденном понимании. Переводя данные строгие нормативные формулировки в плоскость такого понимания, можно сказать, что добросовестный правоприменитель, принимая к сведению все обстоятельства, вытекающие из контекста ситуации, существенные аспекты которой при совестливом поведении не могут быть обделены вниманием, обязан опираться в соответствующих взаимоотношениях на положительно характеризующие обществом объективные критерии, учет которых позволяет сохранить стабильность правовой сферы всех участников правоотношения.

Идентичный подход при разговоре о давностном владении для приобретения права собственности по давности владения сформулирован в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010, в котором добросовестный давностный владелец также охарактеризован формулировкой «не знал и не мог знать». Учитывая это, считаем, что выявленное нами понимание исследуемой категории законодателем и судебными органами Российской Федерации применимо ко всем случаям использования законодателем категории «добросовестность» путем включения ее в тексты нормативных актов.

В научной литературе находит обсуждение точка зрения, которая указывает на то, что встречающаяся в законодательстве формулировка «не знал и не должен был знать» включает в себя объективный и субъективный критерии понятия добросовестности². При этом формулировка «не знал» — показывает субъективную сторону, т.е. лицо действительно находилось в неведении, а «не должен был знать» включает в себя объективную сторону, которая подразумевает наличие определенного стандарта поведения, диктующего, какие конкретно меры следует принять участнику соответствующего правоотношения³.

По нашему мнению, формулировка «не знал и не мог знать» указывает на необходимость до-

² Аверьянова М.В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7.

³ Там же.

бросовестного подхода к соответствующей, урегулированной законодателем ситуации, однако отражает субъективную сторону понятия добросовестность, поскольку такая характеристика относится непосредственно к анализу внутреннего восприятия субъектом внешних обстоятельств. Объективная же сторона принципа добросовестности в данном случае будет проявляться в положительно характеризующих объективных критериях, которыми действия субъекта в контексте ситуации должны соответствовать, исходя из разумного анализа существенных обстоятельств, сложившегося правоотношения. Таким образом, использование законодателем формулировки «не знал и не мог знать» и ее аналогов «не знал и не должен был знать», «не знал» распространяет требование к добросовестному поведению на все институты частного права, значительно увеличивая концентрацию присутствия категории «добросовестность» в системе российского права.

Перечисленные тезисы подтверждает и законодатель, включая формулировку «не знал и не должен был знать» в понятие «добросовестность» в ст. 335 ГК РФ, согласно которой «если вещь передана в залог залогодержателю лицом, которое не являлось ее собственником или иным образом не было надлежаче управомочено распоряжаться имуществом, о чем залогодержатель не знал и не должен был знать (добросовестный залогодержатель), собственник заложенного имущества имеет права и несет обязанности залогодателя». Данная норма показывает, что невозможность использования категории «добросовестность» для формирования предписания заставляет законодателя дать пояснения к формулировке в скобках, расшифровывая формулу «не знал и не должен был знать» понятием «добросовестный залогодержатель».

Исследуемая категория проявляется в нормах ГК РФ и в других формулировках, требующих добросовестного подхода. Например, в силу ст. 713 ГК РФ подрядчик обязан использовать предоставленный заказчиком материал экономно и расчетливо. Согласно ст. 962 ГК РФ при наступлении страхового случая, предусмотренного договором имущественного страхования, страхователь обязан принять разумные и доступные в сложившихся обстоятельствах меры, чтобы уменьшить возможные убытки. Очевидно, что оценка действий субъекта с точки зрения формулировок перечисленных норм («экономно и расчетливо», «разумные и доступные меры») подразумевает добросовестное поведение правоприменителя.

Продолжая настоящее исследование, следует отметить, что несмотря на всеобъемлющее внедрение категории «добросовестность» в нормы гражданского права, в недавнем времени Кон-

цепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации был провозглашен курс коренной модернизации ГК РФ и преобразования большинства институтов данной отрасли, в рамках которой было предложено введение принципа добросовестности в качестве общего принципа⁴. Первым же законодательным актом, принятым в рамках предложенной реформы, стал соответствующий Федеральный закон о внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса РФ от 30.12.2012 № 302-ФЗ, которым принцип добросовестности был помещен в ст. 1 ГК РФ, новая редакция которой определила, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Данная норма возвела добросовестность в число основополагающих принципов частного права в Российской Федерации, охватив своим воздействием все отрасли данной части отечественной системы права и распространив, таким образом, его действие на те области законодательства, в которых он до этого не был задействован.

А.В. Волков высказался по этому поводу следующим образом: «Принцип добросовестности регулирует не только случаи злоупотребления правом, но и ситуации где злоупотребление правом отсутствует либо, когда ст. 10 ГК РФ своим содержанием не справляется с возникшим казусом. Один из таких случаев (отсутствие злоупотребления правом) четко сформирован в ст. 6 ГК РФ — применения принципа добросовестности при аналогии права»⁵. Таким образом, принцип добросовестности распространяет свое действие на все институты частного правового регулирования, включая те отрасли, которые не связаны с непосредственным нарушением участниками гражданских правоотношений соответствующих законодательных установлений.

Действие принципа добросовестности распространяется на все нормативные акты, относящиеся к сфере гражданского права, в том числе, например, на Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (ст. 28), Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (ст. 16), Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (ст. 22), Федеральный закон

⁴ Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

⁵ Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8. С. 7.

от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ст. 21, 44), Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 20, 20.3, 20.5, б.п., 189) и др. Прямая или косвенная ссылка на категорию добросовестность, помимо гражданского права, встречается практически во всех нормативных актах, относящихся к частноправовым отраслям. Так, принцип добросовестности упоминается в Жилищном кодексе РФ (ст. 7, 119), Семейном кодексе РФ (ст. 4, 30), Трудовом кодексе РФ (ст. 21, 22, 191) и др. Принцип добросовестности получает свое развитие также в судебных актах высших судов, в том числе Конституционного Суда РФ. Так, в рамках рассмотрения ситуаций, вытекающих из семейных отношений, Конституционный Суд определил, что орган опеки и попечительства не имеет права произвольно запрещать сделки по отчуждению имущества несовершеннолетних детей, совершаемые родителями, и должен исходить из добросовестности родителей, выступающих в качестве законных представителей своих несовершеннолетних детей⁶. Выводы Конституционного Суда отражают развитие в отрасли принципа добросовестности в рамках тех институтов, в которых понятие «добросовестность» в законодательных актах не фигурирует.

Таким образом, категория «добросовестность» самым объемлющим образом задействована во всех частноправовых отраслях российской системы права. Столь обширное применение добросовестности в данных отраслях связано с тем, что спецификой метода данного сектора законодательного регулирования являются преобладание диспозитивных норм и широкая свобода усмотрения, предоставленная участникам данных отношений, которые требуют внедрения дополнительных мер для усиления режима законности. Между тем, достаточно детальная проработка категории «добросовестность» в частном сегменте отечественного права не исключает возможность ее тщательной разработки в императивных рамках субординационного нормативного регулирования публичного права. Продолжая наше исследование, комплексно оценим степень участия рассматриваемой категории в рамках публичных отраслей системы российского права.

Хотя в научной литературе и встречаются точки зрения, полностью отрицающие возможность использования рассматриваемой категории в публичном правопорядке, как заимство-

ванной из цивилистики, излишней, нарушающей баланс публичных и частных интересов и т.д.⁷, добросовестность находит свое применение в законодательных актах самой высшей юридической силы. Так, Конституция РФ устанавливает одну из основополагающих норм, в наибольшей степени определяющую содержание концепции добросовестного правоосуществления и одновременно недопустимости злоупотребления правом, как две стороны одного явления. Речь идет о ст. 17 Конституции РФ, в силу которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Давая комментарий к этой норме Конституции, судья Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин подчеркнул, что именно из этого положения вытекает презумпция разумности и добросовестности осуществления прав⁸. Продолжая свое размышление, В.Д. Зорькин также отметил: «Это обуславливает доминирующее место в системе обязанностей граждан (и других субъектов конституционных правоотношений) обязанности соблюдать Конституцию и законы, также проявляя при этом добросовестность и осмотрительность и не допуская злоупотребления правом»⁹.

Следовательно, указанная норма Конституции рассматривает принцип добросовестного правоосуществления не только применительно к ситуациям, осложненным отсутствием нормативного регулирования, или случаям, когда принцип добросовестности подлежит применению в силу прямого указания закона, но и в тех ситуациях, в которых от правоприменителя требуется не злоупотреблять предоставленными правами и ответственно соблюдать соответствующие правовые запреты. Такой подход делает возможным рассмотрение применения категории «добросовестность» в тех институтах и отраслях права, применительно к которым о добросовестности не принято говорить, например, во всех случаях злоупотребления правом или при правонарушениях в области административного, а также уголовного права, поскольку именно ст. 17 Конституции РФ, требующая добросовестного правоосуществления, определяет запрет на совершение правонарушений.

Принимая во внимание перечисленные конституционные положения и рассматривая их в рамках генезиса категории «добросовестность», мы можем обоснованно утверждать, что данная категория в системе российского за-

⁶ Определение КС РФ от 06.03.2003 № 119-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 28 и 292 Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁷ Овсянников С.В. Есть ли место категории добросовестности в налоговом праве? // Арбитражные споры. 2004. № 3. С. 77 — 84.

⁸ Зорькин В.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). (2-е издание, пересмотренное). М.: Норма. Инфра-М, 2011. С. 48.

⁹ Там же.

конодательства берет свое начало непосредственно в основополагающем акте, который носит публичный характер и который имеет высшую юридическую силу. Следовательно, принцип добросовестности посредством действующего в стране основополагающего учредительного документа генетически включается в нормы права, принимаемые в его развитие.

Перечисленные доводы полностью опровергают точку зрения В.А. Белова, который считает, что понятие недобросовестности просто несовместимо с природой публичного права¹⁰. Автор также высказался, что: «В публичном праве мыслим единственный порок деяния — объективная неправомерность, т.е. нарушение нормы объективного публичного права. Где же здесь место рассуждениям о недобросовестности?»¹¹. Считаем, что такая позиция автора не учитывает устоявшееся и постоянное применение в публичном праве антонима исследуемой категории — «недобросовестность», а также факты добросовестного заблуждения относительно фактических обстоятельств ситуации, реабилитирующие правонарушителя.

Говоря об антониме рассматриваемой категории, необходимо отметить, что анализ публичных отраслей российского права находит в подавляющем количестве случаев, наряду с понятием «злоупотребление», именно такую форму ссылки на категорию «добросовестность». А поскольку категории «недобросовестность» и «злоупотребление» в современном законодательстве описывают идентичную степень неправомерного поведения, то ссылка на них в рамках определенных ситуаций призывает участников правоотношений именно к добросовестному поведению.

Ярким примером широкого использования в публично-правовой сфере понятия «недобросовестность» для квалификации большого количества правонарушений является Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», глава 2.1. которого содержит большое количество случаев квалификации недобросовестных действий. Указанные нормы приняты в развитие одного из конституционных положений, говорящих о поддержке государством конкуренции (ст. 8 Конституции РФ). В данном случае широкий перечень недобросовестных действий в представленной формулировке полностью совпадает со злоупотреблением права, а крайняя форма таких недобросовестных действий может получить и уголовно-правовую квалификацию по ряду составов, установленных ст. 178 УК РФ.

К использованию как категории «добросовестность», так и категории «недобросовест-

ность» законодатель прибегает при формулировании положений КоАП РФ, являющегося одним из основных нормативных актов публичного правопорядка. Так, в силу ст. 32.13 КоАП РФ лица, которым назначено административное наказание в виде обязательных работ, обязаны соблюдать правила внутреннего распорядка организаций, в которых такие лица отбывают обязательные работы, добросовестно работать.

Активное применение принципа добросовестности наблюдается в процессуальном праве, традиционно относимом к публичному. Отечественные Гражданский и Арбитражный процессуальные кодексы, а также Кодекс административного судопроизводства содержат положения, обязывающие всех участников процесса действовать добросовестно (ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ, ст. 45 КАС РФ), и определяют негативные последствия, связанные с недобросовестностью данных субъектов, такие как отнесение на них судебных расходов (ст. 111 АПК РФ, ст. 284 ГПК РФ), взыскание компенсации за потраченное время (ст. 99 ГПК РФ), отказ в удовлетворении ходатайств (ст. 159 АПК РФ), наложение штрафов (ст. 225.12 АПК РФ).

Принцип добросовестности развит и в уголовно-процессуальном праве, хотя в качестве принципа формально не провозглашен. Однако несмотря на это доктринальные разработки показывают, что системное толкование положений УПК РФ обязывает субъектов уголовного судопроизводства действовать добросовестно. Как указано рядом авторов, уголовно-процессуальная добросовестность предполагает запрет поступать ненадлежащим образом¹².

Таким образом, статистика использования исследуемого понятия и его аналогов в данных кодексах показывает планомерное внедрение положений, указывающих на необходимость добросовестного поведения самого общего порядка. При этом использование термина во всех перечисленных отраслях действующего публично-правового законодательства наблюдается в ситуациях широкого диспозитивного усмотрения.

Понятие добросовестность находит свое применение также в рамках самой публичной отрасли права любой правовой системы, относящейся к континентальной правовой семье, — отрасли уголовного права. Так, антоним исследуемого понятия используется для формулирования составов в ст. 291, 293, 332, 340, 341, 342 УК РФ. Примечательно, что один из составов, представленных в ст. 293 УК РФ «Халатность», давая дефиницию понятию «халатность», раскрывает его через по-

¹⁰ Белов В.А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 84.

¹¹ Там же.

¹² Юмашев Н.С., Юмашев А.Н., Солопов Н.С. О принципе добросовестности, обходе закона и запрете злоупотребления правом в нормах гражданского и уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2015. № 15. С. 36.

нения «недобросовестность» и «небрежность», что полностью совпадает с лексическим смыслом, вкладываемым в данное понятие. Законодатель в рамках данной отрасли часто прибегает к использованию понятия «злоупотребление» (ст. 159, 165, 173 УК РФ и т.д.).

При рассмотрении данного вопроса в административном и уголовном праве необходимо отметить, что учет социальной сущности концепта вины, имеющего в публичном правопорядке центральное значение, а именно психическое (интеллектуальное и волевое) отношение лица к совершаемому правонарушению (деянию), игнорирующему зачастую нравственные нормы общественной жизни и факт вменяемости этого лица, дающего основания говорить об осознании правонарушителем факта нарушения им стабильности важных для социума отношений, позволяет считать любое правонарушение идущим в разрез с принципом добросовестности. Применительно к сфере публичного права кратко данный тезис выразил М.А. Поляков, подчеркнув, что: «в сфере уголовного права, например, добросовестным признается гражданин, не совершающий деяний, подпадающих под признаки преступления, сформулированные в главе 3 УК РФ»¹³.

Таким образом, приведенные нами тезисы позволяют установить, что любое правонарушение, санкционированное нормами административного или уголовного законодательства, есть пример недобросовестного поведения.

Одним из уголовно-правовых институтов, полностью основывающемся на принципе добросовестности, является конструкция невиновного причинения вреда, установленная ст. 28 УК РФ. Данная статья устанавливает, что деяние признается невиновным, если лицо не осознавало и не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело и не могло предвидеть возможности наступления опасных последствий либо предвидело наступление таких последствий, но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. Представленные нормы формируют правовой институт «фактической ошибки», напрямую связанный с категорией «вина». В рамках данного института принято говорить о добросовестности заблуждающегося лица относительно признаков деяния, которое в большинстве случаев влечет реабилитацию правонарушителя¹⁴.

¹³ Поляков М.А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 387.

¹⁴ Лошенкова Е.В. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В.

Институт фактической ошибки применительно к категории «добросовестность» используется также в гражданском праве. Анализируя данный институт, Т.В. Новикова высказалась: «понятие добросовестности в субъективном смысле обозначает институт фактической ошибки, а именно незнание тех или иных фактов, имеющих значение для правовой действительности: факта неуправомоченности отчуждателя в институте виндикации, факта нарушения чьих-либо прав в институтах приобретательной давности и переработки и т.д.»¹⁵.

Следовательно, добросовестность в публичных и частных отраслях российского права находит одинаковое понимание, как минимум, в рамках межотраслевого института фактической ошибки. Кроме того, нормы уголовного законодательства в словесных формулах «не осознавало и не могло осознавать» и «не предвидело и не могло предвидеть» имеют по своей конструкции и лексическому смыслу полное сходство с формулировкой, указывающей на добросовестность, часто применимой в частноправовых отраслях российского права — «не знал и не мог знать». Значит можно констатировать, что законодатель в различных отраслях отечественного права прибегает к формированию идентичной конструкции добросовестности с использованием различных формулировок, характеризующих добросовестное поведение субъекта, которому адресованы нормы. Следовательно, в рамках отечественного права независимо от частной или публичной сферы существует единая модель квалификации добросовестного поведения, которая отсылает к субъективным критериям добросовестности и призывает к ориентации на объективные критерии добросовестного поведения.

Данная модель была распространена и на такую отрасль публичного права как налоговое право, несмотря на то, что ни понятие «добросовестность», ни его антоним, ни понятие «злоупотребление правом» в НК РФ не встречается. Однако Конституционный Суд в одном из своих актов определил, что в публично-правовых отношениях, касающихся налогового права, принимает участие такой субъект как добросовестный налогоплательщик¹⁶.

Несмотря на то, что принцип добросовестности не нашел своего позитивного отражения в НК РФ, он активно применяется в судебной

Благов, П.В. Головневков и др.; под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. С. 98.

¹⁵ Новикова Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Краснодар, 2008. С. 133.

¹⁶ Постановление КС РФ от 12.10.1998 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»».

практике. Например, в одном из своих постановлений ВАС РФ, указал, что факт неискажения налоговой отчетности свидетельствует о добросовестном поведении участника налоговых правоотношений¹⁷. Это является примером того, как принцип добросовестности в отсутствие позитивного закрепления через такие механизмы, как например, конституционные принципы, находит себя в правоприменительной практике, благодаря своим общеправовым качествам.

Характеризуя принцип добросовестности в публичных отраслях российского права, необходимо также сказать, что правовая природа публичного законодательства требует исчерпывающего формулирования правовых предписаний для донесения до участников отношений четко определенных правовых запретов. Неопределенность публичного регулирования в условиях, когда запреты определяет публичный правоприменитель, порождает репрессивные тенденции. В этой связи усиление в правовом регулировании оценочных критериев можно расценить как неудовлетворительную тенденцию. Однако такие абстрактные начала в условиях высокой степени пробельности российского права позволяют урегулировать теневые сферы общественных отношений и сохранить таким образом необходимую степень стабильности. Это и оправдывает развитие на сегодняшнем этапе государственного строительства принципа добросовестности в публичном порядке, и одновременно возлагает на компетентные органы власти дополнительную ответственность за своевременное и компетентное урегулирование возникающих казусов. Игнорирование ориентации в сложившихся условиях на указанные начала может привести к широкомасштабному недобросовестному поведению участников данных отношений в условиях наличия возможности обхода непроработанного нормативного материала, а также нанести непоправимый вред самым ценным публичным интересам.

Помимо отечественного законодательства принцип добросовестности развит в частном и публичном международном праве. Так, например, в силу ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.), каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться. Статья 15 Конституции РФ определяет указанные нормы как входящие в отечественную правовую систему, наделяя их, учитывая высокую степень абстрактности последних, общеправовыми характеристиками. Данные положения дополняют сделанные нами выводы

об общеправовой природе исследуемой категории, придавая им бесспорный характер.

Анализ всех уровней законодательства, определивший всеобъемлющее вовлечение рассматриваемой категории в материю действующего законодательства, а также теоретическая проработка понятия как общеправового, позволяют установить общетеоретический статус категории «добросовестность».

Исследование добросовестности в контексте частных и публичных отраслей права выявило публично-правовую природу категории «добросовестность», которая, во-первых, в своих истоках берет начало в материальном праве, имеющем публичный характер, во-вторых, поддерживает баланс между публичными и частными интересами, а значит, в конечном итоге, для сохранения стабильности системы права и общественных отношений служит публичным интересам. Это полностью коррелирует с точкой зрения А.В. Ульянова, который утверждал: «При обращении к неправовым категориям, будь то «добрая совесть», «добрые нравы» или «правила социалистического общежития», законодатель, доктрина и правоприменительная практика обеспечивают публичные интересы в гражданско-правовом регулировании»¹⁸.

Следовательно, рассматриваемое понятие имеет более существенную ориентацию на публичное регулирование, вытекая из которого и получая логическое развитие, принцип добросовестности распространяется на частное право. В этой сфере в отличие от публичных отраслей понятие «добросовестность», получает широкое распространение в связи с высокой степенью диспозитивности регулируемых им отношений. По этой причине обоснование неприемлемости использования добросовестности в публично-правовой сфере, является, исходя из проведенного исследования, концептуально ошибочным подходом, что обуславливает необходимость дальнейшего исследования этой категории в рамках данной области регулируемых российским правом отношений.

Список литературы

1. Аверьянова М.В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 215 с.
2. Белов В.А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М.: Волтерс Клувер, 2006. 96 с.
3. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8. С. 3—7.

¹⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.03.2014 № 18290/13 по делу № А40-146836/12.

¹⁸ Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 137.

4. Зорькин В.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е издание, пересмотренное. М.: Норма. Инфра-М, 2011. 1008 с.
5. Лошенкова Е.В. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чуачаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. 704 с.
6. Новикова Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Краснодар, 2008. 192 с.
7. Овсянников С.В. Есть ли место категории добросовестности в налоговом праве? // Арбитражные споры. 2004. № 3. С. 77—84.
8. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133—140.
9. Юмашев Н.С., Юмашев А.Н., Солопов Н.С. О принципе добросовестности, обходе закона и запрете злоупотребления правом в нормах гражданского и уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2015. № 15. С. 34—40.

Conscientiousness in Private and Public Sectors of Russian Law

Fedin I.G.,

Master of Law,

Applicant of Department of the Theory and History
of State and Law of the Altay State University

E-mail: fedinig@mail.ru

Abstract. Article is devoted to the questions connected with ways and extent of introduction of category «conscientiousness» in all branches of the Russian system of the law. The relevance of a research consists that in a wide range of modern scientific works there are no researches which are in a complex considering category «conscientiousness» in private and public branches of Russian law. Besides, the need for development of this category for public branches is almost completely ignored that the author finds unreasonable and gives arguments in favor of need of development of the principle of conscientiousness for the public sphere of the Russian legislation.

The purpose of article is the complex analysis of category «conscientiousness» for identification of the general signs of its manifestation in various segments of system of Russian law. Research problems, proceeding from the current legislation are: to disclose the general signs of category «conscientiousness» applicable both for branches private, and for branches of public law; to define what nature, in the context of division of system of the right on private and public, is the most inherent category «conscientiousness».

At permission of the tasks set in work general scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison, including comparison and private scientific methods from which it is necessary to distinguish system approach were used.

The following conclusions became result of the conducted research: as well as in the private-law sphere, the category «conscientiousness» is widely presented at various institutes and designs of public branches of the right, including branches of tax, administrative, penal law, procedural branches; the legislator, irrespective of character of the relations regulated by it, uses uniform model of qualification of conscientious behavior; the category «conscientiousness» is all-legal and has more essential orientation to public regulation, following from which, and, gaining logical development, the principle of conscientiousness extends to private law.

Keywords: conscientiousness, manifestation of legal categories in the legislation, interindustry and all-legal categories, private law, public law.

References

1. Averyanova M.V. Zashchita dobrosovestnogo priobretatelya v rossijskom grazhdanskom prave: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2001. 215 s.
2. Belov V.A. K voprosu o nedobrosovestnosti nalogoplatelshchika: kriticheskij analiz pravoprimenitelnoj praktiki. M.: Volters Kluver, 2006. 96 s.
3. Volkov A.V. Sootnoshenie printsipa dobrosovestnosti i printsipa nedopustimosti zloupotrebleniya pravom // Yurist. 2013. № 8. S. 3-7.
4. Zorkin V.D. Kommentarij k Konstitutsii Rossijskoj Federatsii (postatejnyj). 2-e izdanie, peresmotrennoe. M.: Norma. Infra-M, 2011. 1008 s.
5. Loshenkova E.V. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federatsii. Obschaya i Osobennaya chasti: uchebnik / T.B. Basova, E.V. Blagov, P.V. Golovnenkov i dr.; pod red. A.I. Chuchaeva. M.: KONTRAKT, INFRA-M, 2013. 704 s.
6. Novikova T.V. Ponyatie dobrosovestnosti v rossijskom grazhdanskom prave: diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. Krasnodar, 2008. 192 s.
7. Ovsyannikov S.V. Est li mesto kategorii dobrosovestnosti v nalogovom prave? // Arbitrazhnye spory. 2004. № 3. S. 77-84.
8. Ulyanov A.V. Dobrosovestnost v grazhdanskom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 6. S. 133-140.
9. Yumashev N.S., Yumashev A.N., Solopov N.S. O printsipe dobrosovestnosti, obkhode zakona i zaprete zloupotrebleniya pravom v normakh grazhdanskogo i ugolovno-protsessualnogo zakonodatelstva // Rossijskij sledovatel. 2015. № 15. S. 34-40.